Ксения Букша

ЗАВОД «СВОБОДА»

Ксения Букша
Завод «Свобода»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6995417
Завод «Свобода» / Ксения Букша: ОГИ; Москва; 2014
ISBN 978-5-94282-720-5

Аннотация

Новый роман Ксении Букши основан на фактическом материале, однако с реализмом (как со старым, так и с новым) он не имеет ничего общего. Устаревшая форма производственного романа в руках современной писательницы совершенно обновилась, а каждая из сорока глав книги написана стилистически обособленно, что создает эффект многослойности текста. Дополнительную конструктивную нагрузку несут авторские иллюстрации. При всем этом книга получилась предельно живой и увлекательной, глубокой и честной.

Содержание

[1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ БАШНЯ] 5
[2. ТАСЯ] 13
[3. ДРУЖИНА] 19
[4. ТАНЬ, СОЕДИНИ] 25
[5. АГИТБРИГАДА] 30
[6. ДИРЕКТОР G. ИНТЕРМЕДИЯ] 33
[7. ЛИЛИЯ] 39
[8. АНТАРКТИДА] 43
[9. ИНГА И ЖЕНЩИНЫ АДА] 49
[10. ИНЖЕНЕР Н] 55
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Ксения Букша
Завод «Свобода»

© К. Букша, 2014
© ОГИ, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Марку и Саше, без которых и этой книжки бы не было.

[1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ БАШНЯ]

Учила ведь одна умная мама сына-первоклашку: увидишь буквы белым по красному, не читай, глупость одна, но то, что я тебе сказала сейчас, никому не говори. Белым по красному над заводом «Свобода»: глупость одна. Над проходной прикреплён прожектор, луч света указывает круто вверх. В луч то и дело залетают множественные снежинки, толкутся там жгучим порохом, мелкие, как искры. При таком морозе снег не то что трещит, а прямо-таки визжит под ногами заводчан, которые не дыша спешат домой навстречу Новому году. Дышать же при таком морозе невозможно, это всё равно, что дышать чёрным перцем. Кажется, если бросить спичку, то снег загорится. И чтобы вверх посмотреть – это тоже никак, хотя если всё-таки попытаться поднять обожжённое морозом лицо, то увидишь кумач над проходной, белые буквы, а над ними луч прожектора, добивающий сквозь мутное и дремучее небо Нарвской заставы небось аж до космоса, но целью имеющий всё-таки не космос, а часы на Центральной башне – вот что! Часы эти показывают без пяти десять, а сама Центральная башня, и весь недавно восстановленный главный корпус, белеет наверху заметёнными карнизами и уступами.

Товарищи! – хлопает в ладоши, призывая к вниманию. – «Пять мину-у-ут, пять мину-у-ут!» Не бойтесь, ещё два часа.

Я имею в виду, что через пять минут мы собираемся и поздравляем друг друга с Новым годом, а затем организованно покидаем цех и прыгаем в трамвай, чтобы дома услышать по радио бой курантов… Внимание! Внимание!

D (рыжий, худой) считает, что блок нужно собрать в этом году, а не оставлять на следующий. Его однокашник Q считает, что… Оля! Давай проведём Новый год вместе. Весь год? Ах, прости пожалуйста, я хотел сказать – встретим. Впрочем, если ты не против, я бы и весь его с тобой, Оленька, провёл. Я бы лучше провела его с D. Он такой же идиот, как ты, но, по крайней мере, иногда молчит. Да конечно-конечно, мы и D с собой возьмём! И закатимся все ко мне. У меня отец дежурит, его не будет всю ночь. Это самое беру на себя! Ну что ты, D, копаешься, доделывай скорее, а то трамваи ходить перестанут. Трамваи до одиннадцати (сажая колесо на графитовую смазку). Да я щас. Ты пока вон сходи Олю позови. А я уже, я уже! Мда? Когда это…

Снаружи морозно, аж дух вышибает. Вообще не помню, чтобы когда-нибудь было так холодно. И я. В блокаду, говорят, было, но я не помню. Э, мы когда на Урале жили, там сорок пять зимой обычное дело. Но там хотя бы воздух сухой. А здесь вон муть какая, марево. У меня бабушка третий день задыхается, она не может такой мороз переносить. Так пусть не выходит. Нет, она и дома тоже.

Ух ты, в четвёртом свет горит. Мальчики, сходим посмотреть четвёртый, что там сделали? Я ещё не видела. А сколько

времени? Вон сколько. Пошли.

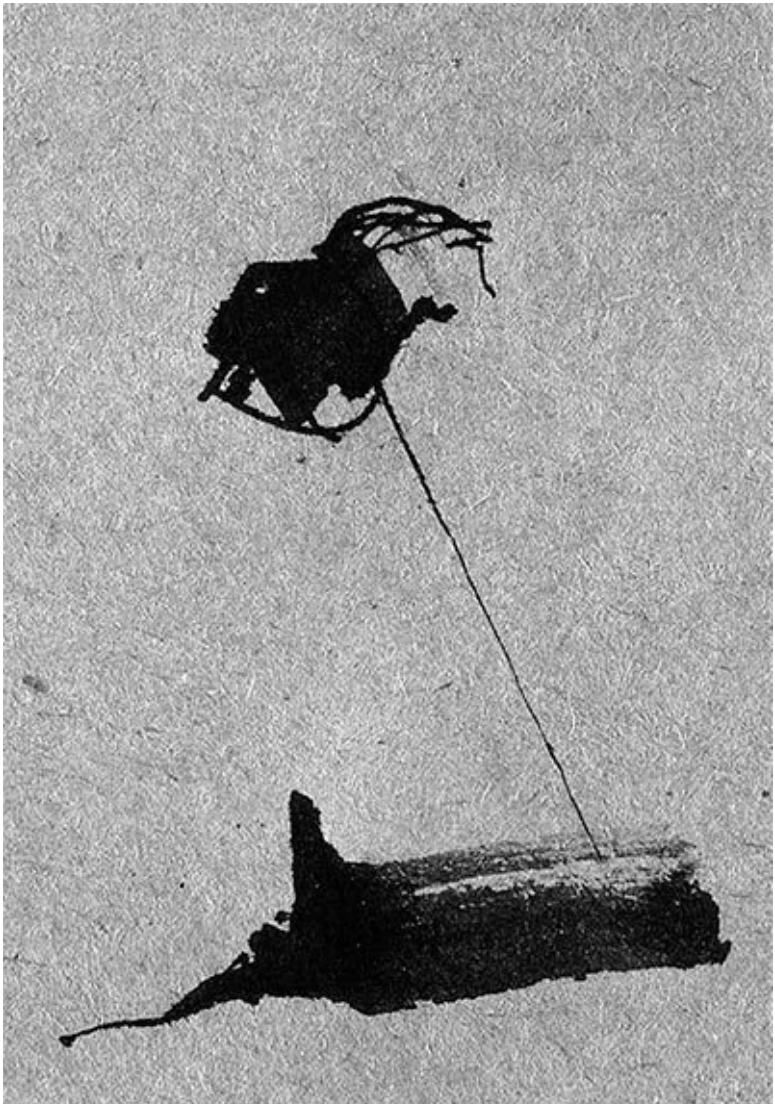
Широкий новый зал четвёртого цеха. За огромными подмороженными окнами резкие тени голых ветвей. Шаги звучат гулко. Летает эхо. Вот это да, что за станки вообще? Трофейные вроде. Мальчики, осторожней. Кто-то идёт.

Дядя, спокойно, мы из пятнадцатого. Девушке показать. А у вас тут шик-блеск, правда? (Валенки, шинель, усы). С Новым годом! Олина улыбка, за такую улыбку можно всё отдать, Оля – контролёр ОТК. А-а, с Новым, ребятки. Да-а, посмотреть-то здесь стоит, да-а. А я думаю, кто такие. Вы уж в следующий раз. А то я в следующий-то раз… А вы, оказывается, из пятнадцатого; самый работящий цех, всегда допоздна. Самый сверхурочный. (Лёгкий запах спирта.) Да вы присядьте. Побалакайте со мной. Трамвай-то не убежит от вас. А я много чего рассказать… Я же здесь был, ещё когда здесь ничего не было, а я уже был… Я знаете что? Я этот завод же тушил. А вы не знаете. В войну, да-а. Да вы присядьте. Комсомол. Послушайте, что тут творилось, я вам расскажу, а то вы не знаете.

«Свободу» мы тушили уже весной, это был… да-а, по-моему, это был май сорок второго года. Фабрика тут тогда текстильная была. Да-а… загорелась от фугаса. А в пять вечера артобстрел. Стали навешивать, да-а… И мы под огнём тушим, сумасшедшее дело. Двадцать пожарных расчётов тушили, приехали, вся Нарвская застава, считай… Приезжаем, всё горит, от первого этажа до последнего. Навстречу ре-

бятишек ведут бегом, садик там был, можете себе представить… сирот собрали со всей заставы. Я Димке: соседние корпуса прикрой. А я знал, что там склад хлопковый, ужас что такое. И ещё силовая станция, тоже если бы сгорела… Димка со своими туда, а мы – к главному… а он всё сильнее, прямо на глазах. В цехах полно хлопка было, так горящий хлопок прямо выбрасывало из окон, внутри месиво, перекрытия-то на фабрике маслом пропитанные, огонь их жрал, как бумагу всё равно. Мы пацанов из комсостава бросили тушить второй этаж, ремонтный цех, думали, там безо пасней, а сами давай на четвёртый… а тут снарядом хлоп в торец здания, и полегли все пацаны, вот так… Но мы тогда даже не знали… Ничего не разобрать! Балки падают, насос снарядом повредило – вода не идёт, рукава рваные. Потом гляжу, кровля рушится. Всё, говорю, уходим… Добежали до второго – лестниц нет. Егор Гельфин у нас такой был, он позже погиб уже на фронте… он вслепую вниз прыгал, можете себе представить? Так нам помог выбраться. Вот это – подвиг! А я шёл последним! Меня зацепило, я ничего не соображаю, как глухой всё равно, рванул вперёд, а за мной уже перекрытия трещат, я только выскочил – и всё рухнуло! Но два этажа мы спасли, а Димка склад хлопковый, если бы он рванул, мы бы оказались в кольце, всех бы накрыло. Когда столько топлива, уже просто воздух сгорает и всё как в воронку всасывает, всё бы тогда, амба! А так… и склад хлопка, и все пристройки, сами видите, что оно всё старое… спасли фабрику… восемь

бойцов погибло. Да-а…



Дядя, вы герой! Я-то? Кхе… Да уж, герой там уж, кхе… Вернее, я герой прошлого. А вы герои будущего. Чтоб больше, значит, никто не сунулся, так я говорю? Товарищи, я всё понимаю, но последний трамвай через пять минут уйдёт. До свидания! До свидания! С Новым годом!

Тяжело бежать по морозу. Лицо горит, мельчайшие снежинки жгут щёки, забиваются искристым ворохом под полы пальто. Они вылетают с Волынкиной на Калинина, уже слыша глухой скок впотьмах. Из-за поворота выезжает фонарь. Изо всех сил они мчатся к остановке, Q тащит Олю под руку, они заскакивают в трамвай, двери закрываются, и тут только становится ясно, что D давным-давно отстал. Вон шагает его тощая расхристанная фигурка, бачки в инее, ушанка сбилась набок. Трамвай набирает ход.

Ты куда смотрел, Q?! А я виноват, что он так плохо бегает? Я думал вообще-то, что он тоже с нами… Надо было его тоже под руку взять! Слушай, Оленька, а если разобраться, зачем нам вообще нужен этот рыжий чудик, нам что, без него плохо? Кто не успел, тот опоздал. Трамвай останавливается; перегон короткий, двенадцать домов, один перекрёсток, – Оля выпрыгивает на пустую снежную мостовую, в трескучие искры, снег под фонарём ярко-оранжевый, как лёд на катке, и вдали, над верхушками деревьев парка Екатерингоф, чёрный куб Центральной башни в мутном небе и яркий столб света над ним, и Оля быстрым шагом идёт вперёд, а трамвай

вместе с Q со стуком отваливает в стылую мглу Обводного, а навстречу шагает лёгкая фигурка D, он начинает постепенно различать Олю, а нам их больше не видно.

[2. ТАСЯ]

Тася, крякает Борис Израилевич, и в воздухе короткое время витает неслышное, но явственное проклятие неизвестно кому. Значит, Тася, – и, приблизив к лицу личное дело, кадровик читает: год рождения 1942, место рождения Ленинград, родители неизвестны. Борис Израилевич морщится, против своей воли представляя иней на полу, обрывки обоев и прочее. Я детдомовская. Из ФЗУ, значит? Так. Прислали? Распределили? Нет, я сама хочу. На радиозаводе хочу работать. Борис Израилевич поднимает глаза. Ну так это же отлично! Пойдём, я тебе покажу наш завод. Кем мы тебя можем взять? Можем, например, ученицей-прессовщицей, в двенадцатый цех. Там много девчонок, будут тебе подруги. Хочу, хочу! Шагают двором. Один хромает, другая семенит. Ой, кто это был? Да, товарищ С у нас большой человек. Сильный, наверное? Да, лифт может поднять одной рукой. А на войне он, слышь, несколько танков подорвал. Ордена имеет. Ой, а пойдёмте сначала к нему, вдруг мне там у них понравится?!

Механизмы. Верёвки. Блоки. Израилевич, это что, и есть обещанное пополнение? Да так, есть у меня сегодня лишние полчаса… делаю девчушке экскурсию по заводу. Кадров-то не хватает. Диспетчером-то что, там физическая сила не нужна. Костя, земля ему пухом, вообще без руки был же.

Ну так он и… Ладно, молчи уж. Диспетчером хочешь быть, Тася? У тебя будут всякие там лифты, подъёмные механизмы, все эти ленты, чтобы подавать вовремя детали, из которых собираются приборы? Тася, а? (Лицо, как блюдечко, поднято вверх, глаза широко раскрыты: там, на высоте, где верёвка перекинута через блок… у самого карниза… что-то белеет…) Не смогу я здесь, наверное… я вот лучше, лучше я вот… прессовщицей… Ну, всё ясно. Ну правда, нам лучше нормального парня. Скоро ещё набор придёт, всё, я вам обещаю железно.

Приходят в двенадцатый. Привет, девчата. Вот, веду вам новую ученицу. Знакомьтесь – Тася. Вот, Тасенька, здесь мы игрушки делаем. Прессуем, значит, пластмассу – получается сразу целое игрушечное ружьё. Новые станки, самые передовые методы. Конечно, считается вредная работа – пластмассу и полистирол прессовать, тебе пока нельзя здесь по закону, но – можешь начать комплектовщицей или упаковщицей. У нас тут весело. Смотри, это раздевалка, а это душ! А вечером молоко дают. А от профсоюза билеты бывают бесплатные, мы однажды даже на саму Любченко попали, представляешь? Ну, ты решилась, дочка? Я пошёл? Погодите… Что такое? Не хочешь здесь работать? Только не обижайтесь, пожалуйста! Просто я ещё не поняла. Пожалуйста, можно я ещё цеха посмотрю? Ой, да кто на тебя обижается? Посмотри да и приходи к нам! Да, Тася, пойдём, посмотрим, конечно. Только недолго, у меня времени мало.

Ну что такое, в чём дело?! Я игрушки делать не хочу. Вот те на! Ты что это?! Это что за капризы?! Я на радиозаводе хочу работать, а не игрушки делать. Оп-ля, Тасенька… Ну… раз так… пойдём тогда, где токаря да фрезеровщики. В девятый. Но предупреждаю, там коллектив мужской. Там нянчиться никто не будет. А ты работы не боишься? А резец заточить сумеешь? Меня же учат, радостно шепчет Тася. Я на станке хочу и буду! Ну и ну. На станке она. Ладно, пошли.

Привет, Израилевич! А это что тут с тобой такое? Тася?!

Это что за имя такое?! В детдоме так назвали? Не, Тася – это нам не подходит, будешь у нас сразу целая Анастасия. По букве на каждый сантиметр росту. Ха-ха-ха! Где у нас тут скамеечки были? Z делал скамеечки, помнишь? Да ей таких целых две надо будет. Тася, ну как тебе здесь, ничего? Ну, молодец! Вы, парни, языки-то того этого, она по специальности, между прочим, как и вы, будет токарь. Вот так-то. Ну, смотри, Тася, вот, например, товарищ К. Он тоже начинал, как и ты, ещё учился, а теперь вон на доске висит каждый квартал. Показывай, какие ты детали работаешь. Ой, какие малюсенькие! Здорово! Нравится? Хочешь такие делать? Хочу… но… я что-то… подождите.

Чёрт подери. Тася. Чего ждать?! Я с тобой ничего сегодня не успею. Всё, Тася, я не знаю, что с тобой делать. Туда ты не хочешь, там – не желаешь. Я, знаешь, не люблю таких, как ты. Капризных. Знаешь как: если уж пришёл работать, то не выбираешь, а идёшь куда скажут. Выбирать-то тебе тут, между прочим, не очень-то и дадут. Это я с тобой нянчусь непонятно зачем. Всё, пошли обратно в двенадцатый цех, и баста. О-о-ой, ну всё, вот этого вот я вообще терпеть не могу, это что за вода…

Борис Израилевич, привет, это что тут у вас за раскардаш? А это вот, видите, к нам барышня на завод пришла. Тася зовут. Я её вожу, всё показываю. А она – то не хочу, это не умею. Так. Всё ясно. Борис Израилевич, вы можете идти к себе. Я потом сообщу вам о результатах трудоустройства то-

варища… как ваша фамилия? Товарища М. Итак, где бы вы хотели трудиться? На радиозаводе, это я понял. Что бы вы хотели делать? Каждый день?

Я конструировать люблю… Конструировать? Это значит, механизмы любите, так? Да… я даже у нас в детдоме однажды часы починила. Часы починила? Да… и на конкурсе моделирования первое место, с движущейся моделью экскаватора, я придумала, как его сделать, чтобы он взаправду копал, если чуть-чуть подтолкнуть, он потом две минуты копал. Две минуты копал? По-всамделишному копал экскаватор? А что он копал, если не секрет? Песок. Я принесу вам и покажу, если надо. Пожалуйста, можно мне в такой цех пойти, где конструируют? Пожалуйста! Хотя бы ученицей, я справлюсь, честное слово!

М-гм. Ну что я могу тебе сказать. У нас действительно есть такой цех. Называется – сборочно-механический. Собирают там из деталей блоки, а из блоков – приборы. Вот здесь вот этот цех находится. Да погоди, не радуйся! Чтобы там работать, среднее образование нужно. Понимаешь? А тебе до среднего ещё два года. Три даже? Мда. Ну ладно. Пойдём.

Товарищи, здравствуйте. Знакомьтесь: это товарищ М. Будет работать у вас учеником слесаря-сборщика. Да, она будет первой девушкой в вашем цеху, и я попрошу вас проявлять особую чуткость, товарищескую ответственность и лояльность. Если через месяц, Тася, я услышу от мастера, что ты не справляешься, пойдёшь трудиться туда, куда напра-

вит Борис Израилевич. Без писка. Идёт? Идёт! Спасибо вам огромное!! А как вас зовут?.. Модель экскаватора завтра с утра ко мне в кабинет.

[3. ДРУЖИНА]

Парк Екатерингоф засыпан ярко-белой черёмухой. Лепестки лежат в воздухе слоями, вздуваются рассыпчатыми кучами, плывут кружевом по реке, вихрятся в пыли. В шестом часу вечера солнце ещё стоит над пакгаузами, кранами и железными крышами. Весна – острые и яркие запахи, ветерки, напоминания, черёмуха и жареная рыба, гниль и свежесть, окрестная нищета, грохот ржавых острых крыш, – предельно насыщенный воздух, в котором перестаёшь чувствовать голод, холод, усталость, боль, а остаётся только лихорадочная и бессонная восприимчивость к счастью, тяга к непрерывной смене действий, цветов, лиц; вибрирующий, жидкий, радужный воздух беспамятства. Женщина лупит мужчину обрезком ржавой трубы по голове, кровь ливнем стекает по его щекам, он блаженно улыбается. На пороге трущобной лестницы сидит девочка лет восьми, дочь Светки-дворничихи, и рассказывает страшные истории, а её сестрёнка Вика, в рваных облупленных босоножках, сидит на корточках, сосредоточенно плюёт себе под ноги и возюкает пальцем по асфальтовой серой пыли.

Эх! Где бы драка, ну хоть бы кто-нибудь сегодня подрался, руки чешутся. На тебя бы, Паша, на самого дружину напустить. Надо работать лучше, тогда не будет оставаться столько лишней энергии. Ребята, у меня есть план действий (вы-

нимает из сумки полулитровую мензурку). Ух ты, Таня, где ты такую взяла? У метрологов попросила, сказала, для чего, мне дали. А для чего? А вот для чего (рассказывает). Так: заходим. Я их давно подозреваю в недоливе. Пашка, а ты куда? Нет, мы тебя с собой больше не берём, без обид. Остаёшься караулить, тем более – вдруг драка. А можно сока, пожалуйста? (Три стаканчика по 200 мл. Таня S достаёт мензурку.) Это что у вас? Не волнуйтесь, народный контроль. (Валя-токарь работает на станке, который прозвали в цеху балалайкой, изготавливая самые мелкие детали на заводе.) Да не волнуйтесь вы так. Третий стаканчик с лёгкостью помещается в мензурку поверх двух первых, и здесь на авансцену выходит Вер-рка. Её голос угрожающе вибрирует. Итак. В полулитровой мензурке! Поместилось! Три стаканчика по 200 миллилитров! Позовите заведующего, мы будем составлять акт проверки. Правильно! – кричат покупатели. Мы давно замечаем! Никаких «слушайте», гвоздит Верка, мы тут не слушать пришли! А обвес фиксировать! И мы его – фиксируем! Нам ничего не надо (Валя). И вы не волнуйтесь. Всё будет нормально. Просто так делать нельзя. Правильно? Поэтому мы и составим акт проверки. Потому что люди хотят пить. А вы не доливаете. Да, да, одобряет народ. Хотим! А вы не доливаете! Мы и сами давно заметили! Но если бы не пришли с мензуркой, вы бы так и продолжали не доливать! Безнаказанность должна быть наказана. Молодцы ребята. Продавщица скисает. (В дверной проём заглядывает Пашка. Это

подходящая минута. Была бы. Но Верка бдит, она показывает Пашке кулак, и Пашка живо делает такое лицо, будто и ничего.)

Вчетвером они идут по серой и свежей, тёплой улице. Пашка, а это правда, что ты бывший чемпион города по боксу? Спрашиваешь. Это все знают. А мой приятель – сам А, мы с ним в ремесленном вместе учились и в одной комнате жили. Как это не слышали? Ну, это ты просто боксом не интересуешься, а он – гремит! Он… он вообще гремит сейчас. Даже чемпиона мира этого, свирепого Хью, убрал в первом раунде. И ты с ним в одной комнате спал? А не боялся? Ага, бывало, среди ночи вскочим, и пошёл махач, я иногда свободно даже его на лопатки клал, врёт Пашка. А вот меня положи на лопатки, попробуй! – Верка топорщится поперёк дороги. Коренастая, плотная, глаза у неё мрачные, не на шутку бешеные. Да… положу тебя, обязательно, – говорит Пашка таким тоном, что Валя слегка краснеет, Танечка S возмущённо пыхтит что-то под нос и поправляет очки, а Веррке хоть бы что. Давай-давай! – кричит и наскакивает. Пашка аккуратно, лениво берёт Верку поперёк платья и взваливает на плечо, а она брыкается, продолжая свою древнюю, как мир, игру, – но вдруг Пашка прислушивается… принюхивается… ставит Верку с размаху на асфальт, не замечая, что у неё слетела туфля, и устремляется вперёд. Подрался кто-то, – Танечка. Дай человеку любимым делом заняться. Верка скачет к туфле на одной ножке: меня-то подождите, э!!

Пашка уже в гуще событий. Валя К присматривается, но, как ни старается, не может понять, кто кого бьёт. И как Пашка с ходу разбирается? Да ничего он не разбирается, бьёт куда попало, и всё. Ты бы, Валя, пошёл ему помог. Нашла что советовать, Валя, не ходи! Девочки, я вас так люблю, говорит Валя К. Фи, я тебе добра желаю, а ты хамишь. Да ты просто боишься драться. Оставил приятеля в беде! Я тогда сама пойду! – Вер-рка подлетает к драке и хватает одного из дерущихся сзади за шею; тот, не ожидав подвоха, теряет равновесие и чуть не падает назад, Верка отцепляется и отпрыгивает. Народная дружина, громко говорит Танечка S, подходя к драке, вот тут-то всё и заканчивается; вернее, конечно, не всё, шум стоит ещё долго, но уже подтягиваются и дворник, и сварливая бабушка с исцарапанными ногами, и поддаёт жару с подоконника многодетная мама, и солидный товарищ вылезает из подъехавшей «Победы», а что за товарищ, неизвестно, и, в итоге, конфликт разбавлен. Пашка, возбуждённый и всклокоченный, но почти невредимый, машет руками и что-то трещит, а солнце уже скрывается за домами, и огромные листья тополей висят в воздухе почти неподвижно, и пахнет озоном: будет гроза.

За ними бежит, шаркая, бабуся с исцарапанными ногами. Миленькие, комсомольцы, помогите! У меня нявестка больная. Бабушка, если больная, то надо доктора. А мы – народная дружина. Ась? Доктор, что доктор, ей доктор никакой не поможет. Придите, Христом-богом вас прошу, помогите,

молодая, а умирает, умрёт ведь. Христом-богом не надо, возражает Валя К, но мы согласны: сходим, разберёмся, что там такое.

Они идут за бабусей. Живём-то мы в углу, полкомнаты, совсем места нет, а у меня два сына, было-то четверо, в войну младшенький умер, а старший без вести на войне пропал, а двое живут со мной, вот младший, он как вы, школу заканчивает, работает, а старший-то пьёт, женился и пьёт, и вот заставил жену… я не знаю, как это сказать-то… Места-то у нас нет, а она больно хотела ребёночка, и как он говорит, вот обманула его… а он её возьми и заставь… это… Аборт сделать (Вер-рка). Да… И бил её, и угрожал, и… совсем затуркал… она и сделала… а только с тех пор лежит и всё… не ест, не спит почти… лежит… ни работать, ничего… уже доктор-то, доктор что… хорошая попалась, Господь её храни… говорит, ну, заберём в психическую, забрать-то мы её можем, но вы же сами понимаете… а вам, говорит, нужно как можно быстрее её из этого состояния вывести… радость ей нужна, а где ж, какая же у нас радость…

Бабуся суетится. Дверь открыта. Низкий потолок, запах сырости и гари: пожар был, что ли. Полумрак. Угарная кухня, полная тесных цветастых женщин. В узком коридоре галдит стайка оборванных дошкольников, ворвавшихся вслед за дружиной с улицы в дом. Боком – в узенькие «полкомнаты». Пашка остаётся снаружи, стоит в дверях. Скудные квадратные метры завалены вещами, заставлены мебелью. Здрав-

ствуйте. Мы народная дружина. Нас вот позвали… Зачем? Да мы сами не знаем, зачем. Уходите. Отворачивается к стене, накрывается одеялом.

За некрашеным, рассохшимся, заляпанным окном, в сонном пыльном безветрии, темнеет, и это не ночь: ленинградские ночи в мае белые. Нет, это буря надвигается на Нарвскую заставу с моря. Искоса направленным, желтоватым светом озарены напоследок улицы. Валя К вспоминает вдруг, где и когда он видел такой же странный свет: когда был маленьким и они уплывали из Ленинграда на барже. Смотри, сказал Вале старший брат. Валя обернулся на город и увидел над ним фантастическое, зловещее солнце, заревом гремящее по чёрному небу. Мама, там конец света? – спросил Валя. В ту ночь горели Бадаевские склады. Баржи бомбили, та, что ушла перед ними, потонула со всеми пассажирами. Верка мрачно смотрит в окно. Пашка отвернулся во тьму коридора, достал из кармана сахар-рафинад из заводской столовой и раздаёт мелким.

[4. ТАНЬ, СОЕДИНИ]

Нет! Никаких липовых справок! Ты с ума сошла? Хочешь, чтобы нас всех посадили? Мы семья репрессированного, ни на секунду нельзя об этом забывать! Ну и что?! Какие другие времена, какие другие?! Проживёшь с моё и поймёшь, что времена всегда одни и те же! Помолчи, Ляля, дело даже не в этом. Дело в том, Татьяна, что липовая справка – это обман. Законы нужно соблюдать. А закон говорит тебе ясно и чётко: поступила на вечерний – иди работай. Всё, Татьяна. Ты хорошо меня поняла? И Наденьке своей передай. Я, конечно, никуда заявлять не собираюсь, но моё мнение – это бесчестно.

Ну и куда я пойду? На завод?! А почему бы и не на завод? Я не хочу на станке работать! Не хочу! Меня вообще не возьмут на завод, я поступила на фи-ло-ло-га, ты понимаешь?! Выйди вон. Выйди вон, я сказал. А это всё твоё воспитание! Кого я вырастил! Кого я вырастил!

И вот на следующий день две подружки, Танечка и Наденька, идут по улице Волынкиной и стучатся в отделы кадров всех заводов. А заводов на Волынкиной шесть. И везде Наденьку берут, а Танечку нигде не берут. Кто-кто? Где-где? Филолог? Ой, филолог, это, кажется, что-то связанное с «жи-ши»? Вы уж нас извините, но таких вакансий у нас пока нет. Вашу подругу да, а вас нет. Я же тебе говорила. Надь,

если тебе здесь нравится, оставайся! Да ты что?! Без тебя?!

Вот остался последний завод на Волынкиной улице, и время уже к пяти. Танечка и Наденька робко стучатся в двери отдела кадров. Здравствуйте, девчонки, меня зовут Борис Израилевич. Ну, с чем пожаловали? Мы вот… на вечерний… я инженер политехнический, а моя подруга университет филологический… Так-так, филологический? Фи-ло-ло-гический… Инженер – это хорошо. Значит, вы обе инженеры? К сожалению, нет… Таня вот – филолог… А-а, филолог! Это же прекрасно, Танечка, что вы – филолог. У нас языки на заводе весьма присутствуют… Без заводского образования русский филолог и не филолог вовсе, а так… Ну что же, подруги, наверное, вы хотите вместе работать? Давайте-ка я вас определю – вот – комплектовщицы требуются в производственно-диспетчерский отдел. Эта работа самая ответственная и нужная на заводе, девчонки. От вас будет зависеть… Всё будет зависеть от вас. Поэтому мы эту работу поручаем только студентам. У нас все студенты работают или упаковщицами, или комплектовщицами. Особенно филологи. Ну, и инженеры тоже. А потом уже становятся филологами и инженерами. Но – со стажем. Да. Поздравляю вас, девочки, с завтрашнего дня вы работаете на «Свободе».

В цех заходит R. Это цветущая, знойная дама высокого роста. У неё большое всё. Огромные груди. Высокая причёска, как башня, из чёрных ярких волос. Выпуклые карие глаза. Губы окрашены ярко-алым. Девочка, идите ко мне, гудит

R. Это вы – филолог? Будущий… Идите со мной, вы мне нужны. (Кабинет R нельзя даже назвать кабинетом, это поляна посреди огромного цеха, окружённая пальмами, вьющимися растениями на шпалерах, араукариями и календарями.) Повторите за мной, девочка: МПР2413-Р-ЗУ-58. Танечка: МПР2413-Р-ЗУ-58. Так. А теперь: ТИУ-685-00-Р13. Танечка: ТИУ-685-00-Р13. Теперь, будьте добры, скажите что-то ещё. Всё равно что. Schlof schein mein voegele. (Тень удивления в выпуклых карих глазах.) Mach zu sein oigele? Так-так… А теперь повторите, пожалуйста, первый номер, который я вам называла. МПР2413-Р-58. Не совсем. Р-ЗУ-58. Хорошо. Теперь смотрите, Танечка. Вот пульт. Вы знаете, что такое диспетчерский пульт? Это сердце предприятия… По пульту проводятся селекторные совещания. Всегда, если кому-то кто-то нужен, он у себя нажимает кнопку и просит вас соединить. И вы мгновенно соединяете. Например, если директору завода нужен начальник сборочного цеха, вы нажимаете вот здесь. А если к ним должен присоединиться главный технолог, то ещё здесь. Если по пульту кто-то не отвечает, вы снимаете трубку и просто звоните ему. Для этого вы должны помнить все заводские телефоны. Кроме того, вы должны знать все децимальные номера всех деталей, которые сейчас находятся в работе. Их порядка тридцати или пятидесяти. Для вас это немного, ведь вы филолог, Танечка, и обладаете быстрой реакцией и прекрасной памятью. Вам остаётся лишь выработать профессиональное уме-

ние мгновенно переключаться. Вот кто-то звонит. Нажимаем вот здесь. Н дайте! Кто такой Н? Эй, что с пультом? Где R? Не беспокойтесь, я здесь. Это моя ученица. Ученица, …, …! Что у вас там творится? Дайте Н! Танечка, нажимаешь вот сюда. Н – это заместитель главного инженера. Не волнуйся, у тебя прекрасно получается.

Тань, соедини с Y! Что со сроками? Вы были у него? Получил, и правильно получил! На девяносто градусов… Ха-ха-ха! Как переделывают?! Тань, где ВРП7831-Р-ПК-8? Всё ещё? Нет, это не АМ-56-У, это АМ-56-Е, причём старая. Работать надо, …, потому что!! Соедини с тринадцатым, кто там сегодня! Соня, ты обедать собираешься? Он просто …!! Я хотел бы понять, что с СТД587-О-19. Димон, ты у меня ничего не забыл? В Москву уезжает завтра. У вас коммунистов неохваченных не осталось? Его вызвали в срочном порядке. Сколько надо английских, а сколько русских? В полпятого начинаем по «Шару». Согласуйте перенос сроков! Как уехал?! Улетаем в Северодвинск всей группой организованно семнадцатого, билеты можно будет забрать завтра. Ничего они не распределяли. Соедините с U! Таня, дайте Т. Почему у нас С молчит. Танечка, а где сейчас АКС-547-Л-2117, случайно, не у нас? Значит, надо дозвониться! Какого …, …? У нас план летит, а ты мне тут будешь оправдываться!! Да …, … он … за весь квартал …! Прости, Танечка! Тебе не надо в комитет комсомола сходить минут на пятнадцать? Я сейчас дюже орать буду. Не можешь оставить пульт? Заткни

тогда, пожалуйста, ушки…

На столе тортик, вино, цветы. R: Танечка, теперь у тебя диплом, ты филолог, можешь уйти с нашей «Свободы» куда угодно. Я ведь тоже ухожу. Да-да, всё правда. Родственники мужа уехали в Израиль. Регламент такой, девочки; якобы что-то может через меня утечь. Танечка, ты теперь свободна от «Свободы» и можешь пойти в школу учить детей. Можешь стать писателем или журналистом. Можешь заниматься археологией или самолётостроением. Родить детей. Я даже не знаю, что ты ещё можешь. Но если ты захочешь остаться на «Свободе», то я буду знать, кого я оставляю вместо себя. Подожди. Из тебя выйдет прекрасный главный диспетчер. Подожди! Если ты передумаешь, скажи мне сразу. У тебя есть двадцать четыре часа. Да, кстати, за тобой тут парень заходил один из бухгалтерии, не знаю, как зовут… Таня, ты куда?..

[5. АГИТБРИГАДА]

Уменя мама работала на Ленфильме проявщицей киноплёнки. Папа – артист оперетты, я с детства росла за кулисами. Всё просила родителей на сцену взять. Куда, говорят! Папа говорит: ты у нас там свихнёшься! Мама говорит: кто-нибудь тебя охмурит, какой-нибудь нахал. Ну, я – в райисполком, к инспектору по трудоустройству подростков, хочу работать на заводе, и всё! Мама на Ленфильме, папа в театре, а я на завод хочу! Родители, конечно, за голову схватились… Мама говорит, боже, сказала мама, ведь это же дно общества. Это мы дно общества, Верка?! Я – дно общества?! Моя мама считает, что дно. Всё, теперь поздно уже, пришлось родителям смириться… Да, лучше отвёрткой тыкать, чем языком трепать! А поёшь-то откуда? Вот отсюда пою. Из горла! А из фильма, этого, ну как его, можешь? Если ты скажешь, из какого фильма… Девчонки, пошли спать, нам завтра отчаливать. Куда-а?

В Пиндубы. У-у! В Пиндубы! Смотрите, они в Пиндубы собрались. А чо?! Вы чо на нас так смотрите?! А что там такое в Пиндубах, а? Да ладно, они на слабо нас берут. Нет, вы уж лучше сразу скажите, чтоб мы знали, что там такое, в Пиндубах. Да там… да ничего такого в общем-то… просто… у вас парней-то много? Не, Марик не считается, Марик, мы к тебе при всём уважении, но ты ж понимаешь. На-

стоящие-то парни у вас есть? Запросто может быть и драка. Там в Пиндубах, там народ такой… Вообще в тех деревнях, там сплошные урки. Секретаря обкома однажды… Хорош пугать-то. Мы как запоём… Да вы вообще можете запросто от нас не уехать. Я скажу бабке, чтобы она дождь включила на ночь, и вы завтра не уедете. Дорогу развезёт, и очень даже запросто. А чо? Вам тут плохо? Свинина, смотри, молока по бидону каждому нальём. Чо, мы тут стали очень даже неплохо жить, только вот от нас, конечно, не уехать. Мы за смычку города с деревней. Полное слияние, да, Верка? Какая бабка, ты чего языком трепешь. Скажи, Платон, моя бабка может? Егойная бабка может всё! Это да! Всё, что захочет! Её просить ходит сам Качуров. Дождь может включить, может остановить. Это какими такими метеорологическими методами мелиорации? Какими-то такими. Шепчет что-то и что-то там попляшет. Ненаучными, в общем, методами. Ненаучные методы не действуют в наше время по всей территории Советского государства. А у меня бабка-пережиток, несознательная. Вот хоть ты что с ней делай, пошепчет, попляшет – и… Да ты больно-то уж не пугай. Ты ещё скажи, что сам колдун. Я?! А конечно, колдун! Ну я же гармонист, дак чо?! Марик, давай с тобой устроим соревнование. Кто кого перебаянит?! Ой, не надо!! И один-то громко!.. Так, Серёга, хватит, нам ещё завтра в Пиндубы. А вот у вас на заводе, скажите, вот у вас есть такое, чтобы как на тракторе? Эй, Алён, хватит клеиться, постыдилась бы. И сиски, блядь, спрячь свои бес-

стыжие. Не умеешь нормально сидеть, дак… Это я клеюсь?! Уж и спросить ничего нельзя, ревнючий какой. Алён, не заводи меня. Я же очень просто. Возьму и… Стойте!! Держите его!! Подержите его кто-нибудь!!.. Так, вот этого я всегда и опасаюсь. Марек, хватит играть! Положи свою бандуру, ты что, не понимаешь, что ты некстати?! Я аккомпанирую, товарищи… Чо кампанирую, чо кампанирую!! Мы им поросёнка, значит, а они нам козью морду строят?! Они за наших девушек, значит, спрашивают?! Остынь, ребята петь, играть приехали, гости, они, между прочим… рабочие люди… Это он нам решил показать, как будет в Пиндубах? Это у него по весне всегда так, не обращайте внимания. Страшно тут у вас, ребята. Бабка колдунья… Баянист рукокрылый… Это ещё что! Мы-то полевики, мы на солнышке живём… А вот лесовики… Лесовики вообще народ… Жизнь-жестянка! Колхоз бедный, одна клюква. И болота. У нас тут всё серьёзно! Это тебе не на балалайке детальки тачать, Валечка. А ты-то, ты-то что, Верочка, со своими подковырочками! Всё, всё! Расходимся! Нам ещё в Пиндубы ехать!.. Да спать-то осталось часа два. Ладно, ребята, я не в обиде! Да никто не в обиде. Нормально. Нормально. Я, ты, мы – всё хорошо. Всё как надо… как… Ладно! Всё хорошо! Верка, не серчай! Я флотский парень… тоже… я как вы… мы как оно… одна клюква…

[6. ДИРЕКТОР G. ИНТЕРМЕДИЯ]

Первый директор завода «Свобода»? Никто не знает о нём ничего. И в Интернете ничего нет? Ну вот. Я вообще не знаю о нём ничего, кроме того, что его звали G. Но вы это не сможете написать, потому что имена людей, причастных к заводу, должны обозначаться шифром из латинских букв. Желательно из одной латинской буквы. И вот тут он у нас остаётся просто G. На многих документах пятидесятых годов имеется его подпись. Вот эта подпись. Можно, конечно, по закорючкам попытаться разобрать… Но смысла никакого я в этом не вижу. Знаете, по-моему, если чего-то нет, то этого и нет. И нечего насильно тянуть чего-то там. Пытаться что-то интерпретировать. Вот был такой директор G. По бумагам. А может быть, на самом деле его и не было. Кто лично знал его, все давно уже умерли или с завода ушли. Скорее, умерли. А может быть, его никто лично и не знал. Как он умер? Об этом ходит легенда. Говорят, что он сбрасывал снег с крыши главного корпуса и свалился с Центральной башни. Ну, случайно. А некоторые говорят, что нарочно. Более подробно попробуйте спросить у W.

G я, конечно, видел, он часто бывал в цехах. Каким он был? Производственник… Может, как директор он был и не такой замечательный, как сменивший его N. Но в целом он всех устраивал, поэтому его и назначили. Пил, правда,

много, ну и что, если работать ему это не мешало. Он был очень неудобный для министерства директор, но его назначили, потому что хороший производственник. Постоянно конфликтовал с вышестоящими, и из-за этого у него было много проблем. В том числе психологических. А вообще-то про G вы лучше спросите у YY. Он сейчас, правда, на заводе не работает. Но я вам дам его телефон. Я точно помню, что он часто общался с G. А я что? Я тогда был совсем молодой. Для меня директор был – величина!

Да нет, это враки. Никогда G по заводу не ходил. Не то что N, тот всегда, бывало, низом пройдёт. Он-то всех знал. А G, его сверху назначили, и он был типичный аппаратчик. Ничего не понимал в производстве. Конформист просто. Партийный настоящий конформист. Назначили ещё при Сталине, а он разворовал всё на свете. Руководил спустя рукава, да ещё и пьяница – страшенный. Его не снимали только потому, что он был чей-то там сынок. А потом что, свалился с крыши, ну да, прямо во двор. Какое снег?! Спьяну просто. Чего его туда понесло, я не знаю. А ещё говорят, что это вообще было убийство. Решили от него уже избавиться наконец. Чтобы завод получил нормального директора. Лично? Нет, это тоже враки, лично я его не знал и вообще ни разу не общался. Он в производство вообще не вникал. Вот с его замом – да, с тем я часто общался. У него был очень интересный зам. Лицом похож на G, и где подобрал-то такого. Но – совершенно другой человек. На вид как G, но совершенно

другой. Да. Да вы спросите лучше… Вы знаете, есть такая женщина, J её фамилия. Вам о ней W не говорил? Так-так. Беллочка, простите, пожалуйста, что я вас отрываю, а у вас, случайно, нет телефона J? Записываю!

Да-да-да, G, мы были с ним немного знакомы! Эрудированный инженер, прекрасный собеседник… Английский хорошо знал. Утончённые манеры. Конечно, скромный немного, скрытный, но такой простой! Одевался элегантно. Разбирался в винах. Вот, помню, один раз… Или нет, это был не G, это был уже… да… мой второй муж… Ну, я, так сказать, с ним приятельствовала, что ли, и сейчас уже за давностью лет не могу ничего сказать, кроме того, что он был милейший, очень приятный человек. Рано умер, да, к сожалению… Его же собственный заместитель, которому он верил как себе самому… вроде бы случайно… они там подрались, что ли… точно не знаю, какая-то ужасная история… Думаю, просто метил на его место. Суд был потом, громкий, знаете, процесс, ну так вот его же и оправдали, сказали, что был в состоянии аффекта или что-то там такое… Ну вот, да за что же спасибо, я вам ничем совсем не помогла, да!..

G? Да он жил на заводе. Не уходил даже на ночь. Квартира-то у него была, но он там не жил. А чего ему там жить. Одинокий человек. Нелюдимый. Нелепый немножко. Ну, так сказать, и времена-то были, сами понимаете, – он ещё при Сталине завод возглавил. План не сделал – расстрел. Тут поневоле… Нет-нет, с какой крыши, это он имел в виду,

что это у самого G, так сказать… Да конечно, лечился, это вот я точно помню такую деталь. Да нормальный в целом, но временами находило, что-то травматическое, после ранения в войну, он там пережил какой-то ужас, никогда не рассказывал. Что-то такое… Ну вот он когда был в состоянии, как говорится, опьянения, он говорил, но я точно не знаю, поэтому не буду врать… Да и не стоит, если человек сам потом не помнил, что он рассказывал. У G был ещё такой зам, или, вернее, это был не зам, а он сам, но совершенно другой человек. Это трудно понять со стороны. Но я-то что, я только косвенно… А знаете, кто действительно хорошо знал G… Этого человека только не называйте, он к заводу уже давно не имеет никакого отношения. Так что вы его не называйте, даже буквой…

G был безукоризненно честен. Вот что я точно могу сказать. И смелым абсолютно. До безрассудства. Он на войне был много раз ранен. Его так там изрешетило… А потом такая история… Диктофон выключите […]

А после войны G что делал? Да он ничего не делал. Он не мог ничего делать. Ну и замгорисполкома, который с ним до войны работал, его нашёл в каком-то уж совсем состоянии. И сделал его директором завода. В надежде, что он воспрянет, как-то оживёт. Но уже было поздно. Ну, в каком смысле поздно? Для завода не поздно. G нормальным был директо-

ром. У нас тогда смежники были не очень. Знаете как, вот, говорят, N – великий директор, гений, всё такое, а G, мол, ничего не смог, не захотел. Да всё не так. Несправедливо это. Просто время ещё не подошло для «Свободы». Когда был G, ещё тогда всё на авиацию ставили. Думали американцев на воздухе догнать. А когда поняли, что на воздухе уже никогда не догоним, тогда пустили все ресурсы на подводные лодки. И вот тогда N пришёл, и всё у нас уже завертелось. История! А G, он попал в эдакий пересменок. Между эпохами. А как человек он был не меньше, чем N. Я обоих хорошо знал, вы уж мне поверьте. Только N, он был, несмотря ни на что, коммунист. Светлый и простой человек. Сила. А G был человек раздвоенный. Совершенно натурально. Нет, не буду ничего объяснять; нет, не лечился, потому что знал, что если всё вспомнит, то больше жить не сможет. Ну, и вспомнил однажды. И сами понимаете. Завод он, кстати, отремонтировал. Там между корпусами всё было щебнем завалено. Цеха подштопали, станки завезли. Четвёртый-то ещё при нём, в 1957 году, построили.

Насчёт пил? Басни. Насчёт пил я вам так скажу: что G был абсолютный трезвенник. Абсолютный. И кто говорит, что он пил, тому вы не верьте. G ничего и никогда не пил спиртного. Никогда не был пьяным.

[7. ЛИЛИЯ]

Новоиспечённый директор N, большой человек, прошло два месяца, а уж всех на заводе знает, – тринадцатого декабря входит в цех и говорит: я понимаю, что к Новому году четыре комплекта бомбового прицела «Лилия» для самолётов ЯК-28Л сделать невозможно, и всё же: какие ваши условия, при каких сделать сможете?

На «Свободе» новые времена. Выпускников ПТУ нанимают сотнями. Станки закупают в Японии. Строят общежития. Всё мобилизовано. Третья мировая война вероятна.

Выходит один бригадир и говорит: во-первых, чтобы зарплата – 299 рублей. (Триста нельзя.) Принимается, говорит N.

Выходит другой бригадир. Лежаки здесь положить, чтобы мы не отвлекались, значит. Уже, считай, положили, говорит N. – И шила графин чтобы всегда вот тут стоял! Полный! – замётано, говорит N, поставим, это всё? Всё, говорят. И делают к Новому году четыре комплекта «Лилии».

Конечно, понятно, какие это получаются «Лилии». Такие, что с ними ещё, как выражается А, начальник 20 регулировочно-сдаточного цеха, «ебтись и ебтись». Но на тот момент это никого не волнует. Настроение праздничное.

Ну а к лету начинается. Выясняется, что по многим параметрам изделие не дотянуто. Выясняется тогда, когда уже

приходится ставить «Лилию» на самолёты. И летят регулировщики 20 цеха в Иркутск доделывать «Лилию» на ходу, чтобы самолёты нормально бомбы бросать могли. Летят, значит, целой большой серьёзной группой быстрого реагирования внедрять эту совершенно сырую «Лилию», которая под шило за две недели была освоена родным заводом «Свобода».

Прилетают – и видят, что ничего не могут сделать.

Всё кипит и всё сырое. «Лилия» сырая, недоработанная. Кое-что вообще собрано с косяками. Да, надо сказать, сами самолёты тоже сырее некуда. И оборудование на них всё сырое. В том числе и то, которое для «Лилии» нужно и с ней взаимосвязано. Вот, скажем, как прикажете с радиоточками на земле связываться, в тылу, если радиостанция на борту не обладает помехоустойчивостью? Но поздно. Все обрадовались, что крайнего нашли. Видать, все под шило работали и к Новому году успевали. Но отбрехались. А «Свобода» не отбрехалась. И накинулись военные на регулировщиков со «Свободы». Что вы-де, лентяи, здесь вообще делаете? Для чего вас позвали? Вы вообще можете сделать так, чтобы эта штука хоть как-то работала? У нас приёмка через десять дней; а вы? Нам прицельное бомбометание как организовать в сложных метеоусловиях? Вы хвалились, что ваша «Лилия» позволяет выйти на цель с круговой вероятной ошибкой всего в 50 метров, а теперь не можете нормально установить связь с наземными станциями?! Секир башка!

Регулировщики мямлят справедливые оправдания. Мол, самолёт ещё полного цикла испытаний не прошёл. Ещё, мол, время есть. А военно-промышленная комиссия, она что? Она уже едет. Собирается собрание колоссальное в Иркутске. Приезжает министр, председатель совнархоза, директора заводов… Ну там не только Лилия, там куча других неприятностей! И N прилетает. И все партийные, военно-промышленная комиссия, оборонный отдел обкома партии – все врубаются в ситуацию и дружно наваливаются на одного директора N. И вешают на него всех собак. И влетает нашему директору очень сильно, и за шило, и за зарплату в 299 рублей, и за грехи смежников заодно тоже… Ну, думаем, полетел, похоже, директор наш… но до нас-то дотянуться он успеет, выходим-то мы виноваты, крайние: регулировщики, не сумели прибор довести до ума. Сейчас нас здесь на месте уволят, четвертуют!

Но N и не думает никого четвертовать. Я, вы знаете, в войну был директором совсем другого завода. Делали мы радиостанции для партизан. Ну, вы знаете. А потом я сидел. Этого вы не знаете. Посадили меня по Ленинградскому делу, я лес валил, на Севере. Потом был реабилитирован. Полностью. Это говорю я вам к тому, что я не боюсь. И ещё, чтобы вы знали: у меня к вам претензий никаких нет. Я понимаю, как всё это вышло. Нам дали срок всё исправить. Но сначала нам всем нужно хорошенько отдохнуть. Иначе работать мы не сможем. Поэтому завтра мы всем коллективом в обязатель-

ном порядке едем отдыхать на Байкал. С палатками. Насчёт транспорта и кормёжки я договорюсь.

Вот тут все обалдели. Никто не представлял, что какой-нибудь директор в подобной ситуации сможет так поступить! Не знали ещё нашего N.

Действительно, N уговорил директора Иркутского самолётного завода дать нам автобус. Приехали на Байкал, поставили палатки. Человек сорок туда приехало. Три дня выпивали, отдыхали. И только потом: как из положения будем выходить?

И тут N ни одного слова не сказал, ни одного человека не обидел. Даже кто виноват был. Сели спокойно, полночи обсуждали и решение мгновенно приняли. Каждый понял, что ему лично надо делать. Приехали утром, каждый взял своё дело, и стали заниматься спокойно, без нервотрёпки. И сделали всё, и сдали в срок. И это казалось чудом, да чудом и было.

Всего «Лилией» было оборудовано 111 самолётов ЯК-28Л. Самолет получил в НАТО кодовое обозначение Brewer-A (Пивовар).

[8. АНТАРКТИДА]

Не длинная вроде улица – Волынкина, а предприятий на ней целых шесть. И чешут все с утра: «Меттранс», ЛЭМЗ «Точные приборы», имени Капельского, кондитерская фабрика, опытное производство НИИ № 4 чуть в стороне. И, наконец, «Свобода». Это толпы! К семи часам, к шести сорока пяти даже, – будь любезен. Директор N низом идёт, всё видит. Опоздал – штраф. Прогул – выговор. Народу на «Свободе» много стало, как N пришёл. Работы – ещё больше. В три смены кое-кто.

И на обед очереди стоят страшные. Обедают все цеха посменно. Некоторые не успевают. Возьмёшь котлету – а тут и гудок. И беги, запихивай её в горло.

А вот и не кто иной как товарищ F, ещё совсем молодой. Сегодня F в столовку не пошёл. Вместо обеда идёт к начальнику цеха и докладывает: увольняюсь. Уезжаю в Антарктиду.

Куда, куда? В Антарктиду. Место есть. Мне приятель сказал. Техником – вот, еду. Буду обслуживать приборы.

Вот у меня обходной лист; подпишите, пожалуйста. Да ты погоди, F. Брось ты. Перестань. Да чего годить, Валерий Никифорович? Зовут, поеду… Упускать, что ли?! Вот чёрт. Тебе что, в Ленинграде приключений мало? Ладно, зайди к мне завтра.

Радионяня – это рюмочная наша. Вот если идти по правой стороне Волынкиной, то почти у самого проспекта Стачек. Название, конечно, неофициальное. Потому так названа, что рядом – отдел пластинок и радиодеталей Кировского универмага, ну и ещё потому, что выпивают там регулировщики радиоаппаратуры со «Свободы». Внутри столики, койкакая закуска. Темно. А, F, привет! Чо новенького? (И ждут, когда я их развлекать начну.) В Антарктиду?! Ха-ха-ха! Нет, я – правда. Обходной лист дали уже. Слышите, он – правда! F, да ты чокнулся. А что. Антарктида, это Советский Союз. Кого?! Да мы же первые её открыли. Наш человек. Как его… Фёдор Фёдорович Амундсен. Не дёргайся, паря. Вы просто лбами столкнулись, у него характер, у тебя характер… Не, ребят, поеду. Буду среди торосов и льдин запускать метеорологический зонд. Это знаете что? Такой здоровый шар, ага. Один вот так запускал-запускал и сам улетел. Завис на высоте пять километров и висел. И как его снимали? Да никак не снимали. Окочурился бедолага. Да брось! Да точно говорю. Антарктида, брат, шутить не любит. Минус сто под Цельсием. Ну, ты смотри там это! Мимо Америки проплывать будешь – привет передавай. Погоди, F, а как же Люба? Что Люба. Ну, тебя же не будет год! Ну, будет ждать. А не будет, значит… ну, значит, не будет. Не, F, ты точно совсем уже! Такую девушку… на белых медведей променять. Идиот, белые – в Арктике. А там наоборот… Что – наоборот?! Плюшевые. Ой, не езди никуда, F, с тобой хоть весело! (Ве-

село им со мной. А мне с вами чо-то нет… Не получается ни черта у меня в этой жизни.) Да ладно, ребята, год – это мало. А тебя В отпустит хоть? Да он рад-радёшенек будет, что избавился!

На следующий день снова обед. F стоит с обходным листом. Зайди к директору. Прямо сейчас зайди. Уговаривать

будет? Понятия не имею.

Ну что, товарищ F, уходим? Пасуем перед трудностями? Да какое пасуем, я наоборот. Вот в Антарктиде нужны… Техники по радиолокации… А ты почему такой нестриженый. Вот тебе двадцать копеек, сходи вон там напротив, подстригись. А завтра ко мне. В это же время. Юрий Михайлович, я не могу!.. Мне обходной лист… Что-о?! Не может он!! Живо выметайся! Завтра – здесь! Подстриженный! Мне двадцать копеек не надо, у меня есть. До завтра.

…Ну а кроме Радионяни, ещё и пивной киоск есть. Чуть подальше по Калинкиной, на углу Калинкиной и Рахметова. Называется «Три ручья» – потому что там вечно три ручья течёт, пиво, вода и… моча. А в киоске Анатолий, однорукий, ветеран войны. Привет. Что у нас F такой весёлый, да ещё и стриженый? Директор заставил. N у нас всех стрижёт. Да вот, в Антарктиду уезжаю. А-а. В Антарктиду? Серьёзно. Не наливай ему больше.

Ещё где можно выпить? Ещё можно – на берегу Екатерингофки. Там вообще купаются, но сейчас нет, сейчас апрель. До войны по Екатерингофке сплавляли лес. А после войны здесь утонул у F родной брат. Катались на коньках, провалился под лёд. И народ был, и за подмогой побежали. Утонул. А теперь F на берегу Екатерингофки пьёт иногда. Вроде как в память о брате. Хотя он и так его отлично помнит. Брат был старше на год и совершенно такой же, как F, только гораздо лучше. Так всегда получается. Которые луч-

ше, те тонут. Которые хуже, те маются. Чем больше пьёт, тем сильнее на него накатывает. Снаружи незаметно, вроде бы F и не пьяный, всё прилично. Со стадиона «Кировец» свистки, крики: «Свобода» с Кировским играет. F тоже в футбол да, только во втором составе. Пацаны под трибунами сидят, или на дереве, растёт там тополь такой громадный… сидят, смотрят. А в первом составе нет, в первом, как говорится, класс не тот, это упорство нужно. А какое у F упорство. И дисциплина, опять-таки. И характер. (F подгребает под себя сухие листья и чиркает спичкой.) Ага. (Дымит.) А Люба? Ну, Люба что. Как говорится, ей ничего не значит. Это ты так думаешь. А она у тебя не беременная? Не знаю. Да плевать мне. Ты сначала узнай. А если не пустят. А если не пустят, всё равно поеду. К чёрту, к чёрту.

Та-ак. Подстригся – это хорошо. Теперь к делу. Я тебя не отпускаю. Обязаны отпустить, хоть тресни. Антарктида. Тебе что, деньги нужны? Так это договориться можно. Мы тебе прибавим. Да нет, не в этом дело, Юрий Михайлович. А в чём? А-а, небось с Германом опять поссорился. Слышал я про вас. Оба хороши! Да я знаю, что он прав. Со мной просто по-другому не бывает. Я думал, я у вас буду по-другому, а я и у вас тоже. Всё то же самое. Ну, а Антарктида тебя, думаешь, изменит? Да? А я так не думаю. Да я тоже не думаю. Не думаешь? А уходишь тогда зачем? А?

Ладно, Юрий Михайлович, я понял. Не отпускаете. Нет так нет. До свидания.

Стоп, F, куда пошёл? Я с тобой ещё не прощался! А ну-ка сядь! Да-а… Бери-ка ты, друг, лист бумаги. Да. И пиши. Так. Пиши: обязуюсь в течение трёх месяцев ежедневно… Так. Меня тебе видеть необязательно, отмечаться будешь у моего секретаря. Впрочем, если со мной захочешь потолковать, я тебя приму. Так. Пиши дальше. В случае неисполнения… Да, прямо так и пиши! Сволочью, F! А в случае смерти в течение трёх месяцев – на твоей могиле напишем, что ты сволочь! Через три месяца, пятнадцатого июля, встречаемся здесь, у меня в кабинете! Подписывай! В Антарктиду он собрался! Полярник!

[9. ИНГА И ЖЕНЩИНЫ АДА]

Женщины гальванического цеха, в могучих парусных халатах, просверленных точками кислоты, просмолённых потёками, дымами, тенями, обдать кипятком и снять шкурку. G катает маленький железный ключик между большим и указательным. Что-то вы всем недовольные, вечно вы всем, дамы, недовольные. Я не могу вас понять. Вот лично я – я не могу вас понять. Может быть, потому, что у меня нет жены. Да нет, это бы вам не помогло. Вы так думаете? Вам – конечно. Под бело-ржавым потолком туман. Воздух зацветает зеленоватыми стружками, ливнями, капустным паром, грибком. Предложение поработать на выходных встречено без энтузиазма. Левая туфля порвалась, теперь, как лодка, гребёт бортом воду. Если бы я в ней плыла, то затонула бы через пять метров. Хорошо, что я в ней не плыву. Босая картонная туфля, каблуки давно сточены вкось. Вкось – это означает легкомыслие. Да, легкомысленная вы девушка, Манечка. Вы, наверно, шутите, куда мы там выйдем в субботу. (Запирает перед зеркальцем губы ещё на два оборота губной помады.) Соседи по вечерам грызут сахарную голову. А думаете, ей не хочется сладенького? Весь день бегает по коридору, а в ясли не берут, на голове какие-то болячки, да я и сама не веду – дети задразнят. Если бы ясли, она бы давно уже заговорила. Да разве это были мужчины, Кать. Это одни только слёзы,

одни слёзы. Вот вы раз уж пришли, Павел Аркадьевич, а я как раз хотела сказать: мы пообедать не успеваем. А у нас производство вредное. Да, знаете ли, заходишь к вам сюда, а у вас тут как в аду. Сами вы какаду, уж могли бы, вместо того чтобы, а вы вместо этого. (Зелёный туман расступается под маслянистым, жёлтым теплом лампы на потолке.) За это, конечно, большое спасибо, но, откровенно говоря, сколько можно уже спасибо-то говорить? Я бы сказала спасибо, если бы на этаже в нашем общежитии была бы горячая вода. Плясали зимой до троллейбуса, а троллейбус битком… Нет, чулки не надо, а лучше бы распределили какие-нибудь билеты, например, в театр Оперетты. Но я не смогу в субботу выйти, я же не знала, я бы маме сказала, она бы приехала, а так она уже не успеет. Не волнуйся ты, Кать, я тоже не смогу. Вообще не-е, это уже что-то такое у нас стало делаться… Позавчера-то что было. Бежит Фрида, высунув язык. А, ты тоже была? Да. Восемнадцать деталей псу под хвост. Что? Да это не наше, это не ту поверхность обозначили, мы и протравили, а там не надо было. Во, полюбуйся, красота. Нет, я ни в какую субботу точно не пойду. Я читаю очень интересную одну сейчас книгу, какой-то молодой врач написал, там упражнения Кегеля, как стать женщиной. А я и так женщина. Взял спринцовку… Я от ужаса сбежала и родила. Нет, никогда я на такое не пойду, мне просто страшно. Дают-дают, у моей одноклассницы муж взрывник, им выдают целыми пачками, сотнями, знаешь для чего? В гандоны

удобно взрывчатку порциями класть, чтобы не отмокала, когда в траншею. Павел Аркадьевич, а у вас есть дети? Ну вот, видите! А в субботу, говорят, хорошая погода будет.

Если выглянуть в окно, на асфальте сверху виден профиль огромной девушки. Это трещины на асфальте, которым залили бетонные плиты. И в голове у девушки – ещё одна бетонная плита. Девушка с плитой. Профиль не очень-то юный и не особенно совершенный. Щёка присыпана серо-зелёным. У девушек в бригаде, которая производит анодирование деталей, то есть опускает в кислоту, подержит и вынет, теперь вместо шести ванн стоит двенадцать. Если раньше кислота на кожу попадала только по неосторожности, то теперь приходится деталь из кислоты вынимать и от ванны к ванне с ней бегать, и кислота… в общем, к чему привыкли, к тому привыкли. Галина Семёновна недавно посреди цеха шлёпнулась – подумаешь, делов. Ну, упала, ну, полежала, встала и пошла работать. Если честно, это из-за скользкого железного пола. Работать так довольно трудновато. В субботу здесь находиться совершенно не хочется, и, кажется, это можно даже в каком-то смысле понять. Вот вы, Инга Алексеевна, вы нас можете понять? Я вас понимаю. (Инга, юрист, никогда не работала у гальванической ванны. Она выросла в двух комнатах с фортепиано и книгами до потолка, а потолки четыре метра. Она юрист. Она одевается в элегантные углы и тени. Невысокая, изящная, строгая женщина с негромким голосом.) Это не соответствует трудовому кодексу. Если

что, мы подключим профсоюз. Ох, я вас умоляю! Пал Аркадьича вы подключите? Да он… Ой, да она… Я вас прошу, не впутывайте этих всех мужиков. Манечка. Инга Алексеевна, я вас умоляю! Только не надо, пожалуйста! Мы же совсем не… Мы не то имели в виду. Нет, нет, знаете. Это уже как в старой сказке. Один раз мы им разрешим, а на второй… Так и будут вас штрафовать. Нет, нет, надо обязательно поднять вопрос, я не буду вас называть. Ох, Инга Алексеевна, вы молодая ещё такая, вы их не знаете, они же вас. Они же.

Здравствуйте, здравствуйте, Инга… Да, проходите, конечно же… Нет, я ничего не знаю. Да. Товарищи на вас жаловались, конечно. Вот эта вот, кажется, бумажка, это же ваше? Речь о том, чтобы сделать план. Нет, помолчите, Инга. О том, чтобы сделать план. И тут вполне прямолинейно всё изложено. Ну, думаю, не всё так прямолинейно, как они мне тут… Ну, как что говорили? Ну, говорили. А что сверхурочные? Если особая необходимость, то… Да какая там особая необходимость. Какая особая необходимость. Вы их ещё послушайте. Там просто план горел. Горел он у них, видите ли! А кто крайний? Кто виноват? Гальваники? А свалили на них. Потому что женщины не пикнут, женщины безропотно… И они ведь говорили, заметьте! Дети, суббота, воскресенье. Детей не с кем оставить! Почему они должны в субботу приходить на свою адскую работу, где они в адских условиях… Нет, подождите! Почему там пол скользкий? Что, нет досок застелить? Почему в девятом делается ремонт, хотя он там уже делался семь лет назад, а в тринадцатом ветеран падает посреди смены? Вы хотите дождаться, когда кто-нибудь растворится?! И что вы будете хоронить?! Кислоту?! Да вы удавитесь!!

Инга. Инга! Так. (Пауза, которую иначе и не обозначишь, как: длительная пауза.) Вы мне вот что скажите. Это весь цех не вышел, или кто-нибудь всё-таки вышел? Ага, значит, кто-нибудь вышел… да подождите вы!! Я не про то!! Знаете что, давайте решим как? Мы наоборот решим. Кто не вышел, ли-

шать премии не будем. А кто вышел, тех наградим. Вас это устраивает? Хорошо. Теперь остальное. Я согласен с вами, больной вопрос насчёт досок. Просто в следующем квартале мне обещали… я ездил в Москву с В, мы выбили новое оборудование, и им будет полегче. До этого времени доски стелить смысла нет, всё равно потом придётся всё переставлять. Один квартал они могут потерпеть? Инга, вы, конечно, молодец. Нет, я не буду с ним говорить ничего, он просто не всегда до конца всё учитывает, человек на своём месте, по-своему ограниченный. Откуда им знать законы, у нас на это есть вы. Идите, Инга, завтра будут доски. Алло! Да, он может входить, если уже пришёл!

[10. ИНЖЕНЕР Н]

Пришёл новый директор N и привёл с другого завода, которым раньше руководил, нового главного инженера Н. Очень странный человек оказался. На вид совершенно не заводской, а – хлипкий интеллигент. Молодой, но уже почти лысый. Только так, редкие остатки волос по краям головы растут. Говорит тихо. И глаза большие и совершенно серые. А руководил-то он там, на том заводе, не на самом заводе, а в ОКБ – вот оно что! И все сразу: а-а, всё с ним ясно! Никто не спорит, это сразу видно, что он большой ум. Конструктор и всё такое. Но завод, это же совсем другая материя. Заводом руководить и ОКБ руководить – две большие разницы. Инженер на заводе не только за чертежи-вертежи отвечает, а если где-то запил дядя, не стоит велосипед и так далее. А у нас здесь, брат… Да, у нас здесь завод. Здесь у нас такое… А он, Н, хлипкий. И все сошлись на том, что Н, наверное, на «Свободе» не справится.

И вот квалифицированные рабочие-регулировщики, многие из которых имели высшее образование, решили между собой так. Мы тут по многу лет с этим изделием, собаку съели. Устроим Н небольшой внеплановый экзамен, которого он точно не выдержит. Это нехорошо! – вмешались некоторые, самые щепетильные. – Ему тут всё-таки работать, а после этого его никто уважать не будет. – Нет, возразили те, мы

не собираемся сразу его этого того, а мы просто посмотрим, как человек себя поведёт в трудной ситуации. Как он из неё выходить будет. Куда кинется, кого на помощь позовёт, или вообще сделает вид, что так и надо. Пошшупаем его, одним словом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.